

УДК 008

С. А. Никольский

<https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

**Николай Островский: «место в железной схватке за власть».
Россия накануне и после Октября. Статья вторая**

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Никольский С. А. Николай Островский: «место в железной схватке за власть». Россия накануне и после Октября. Статья вторая // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 161–168. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-161-168

Для раскрытия темы России после Октября книга Н. А. Островского «Как закалялась сталь» – одна из знаковых. В ней в чистом виде явлен портрет идеального революционера-большевика, беспощадного не только к врагам, но к себе и окружающим, человека, из которого, по образному выражению поэта, можно было бы делать самые крепкие в мире гвозди. Книга была восторженно встречена тринадцатимиллионной армией партийцев и комсомольцев. Для одних Павел Корчагин был идеалом для подражания, для других – образом, подкрепляющим их собственные мифы о прошлых подвигах, позволявшие тепло устроиться в настоящем. Для власти повесть, очищенная цензурой от большевистского демократизма первых лет, была художественной предтечей будущего сталинского «Краткого курса истории ВКПб».

Один из самых вдумчивых советских литературоведов Л. А. Аннинский считал это произведение повествованием о людях, «обрученных с идеей». В известном смысле это так и есть. Однако обрученность (как обруч на бочке) закрывала Островскому и его советскому интерпретатору возможность видеть реальный исторический процесс в его трагической глубине и противоречивости. Для героя Павла Корчагина не существует ни начатков сталинского тоталитаризма, ни трагедии коллективизируемой, гибнущей от голода деревни. Живя как бы вне времени, он проповедует одно и то же – ни на минуту не затухающую классовую борьбу. Кажется, притухнет огонь борьбы и прервется жизнь героя. Собственно, этому и не дают случиться: ведь в постоянном накале классовой борьбы, которая, как говорил Сталин, будет все более возрастать по мере продвижения к социализму, и состоит тайна советского тоталитаризма, в художественной форме представленная и оправданная Николаем Островским.

Ключевые слова: Россия, Октябрь, революция, большевизм, тоталитаризм, героизм, фанатизм, человек, партия, комсомол, народ.

S. A. Nikolsky

**Nikolai Ostrovsky: «a place in the iron battle for power».
Russia on the eve and after October. Article two**

To reveal the theme of Russia after October, 1917, Nikolai Ostrovsky's book «How steel was tempered» is one of the most significant. In it, in its purest form, there is a portrait of an ideal revolutionary – a Bolshevik, merciless not only to the enemy, but to himself and others as well, a man, from whom, according to the poet's figurative expression, there could be made the strongest nails in the world. The book was enthusiastically received by the thirteen million army of party members and Komsomol members. For some, Pavel Korchagin was an ideal to emulate, for others – an image that reinforced their own myths about past heroic deeds, allowing them to settle warmly in the present. For the authorities, the story, cleared by censorship from the Bolshevik democracy of the first years, was an artistic forerunner of the future Stalinist «Short course of the AUCP history».

One of the most thoughtful Soviet literary critics, Leo Anninsky, considered the story to be a story about people «engaged to an idea». In a sense, this is true. However, the engagement prevented both Ostrovsky and his Soviet interpreter from seeing the real historical process in its tragic depth and contradictions. For the hero Pavel Korchagin, there are neither the beginnings of Stalinist totalitarianism, nor the tragedy of a collectivized, starving village. Living as if out of time, he preaches the same thing – a class struggle that never fades for a moment. It seems that the fire of struggle will be extinguished and the hero's life will be interrupted. In fact, this is not allowed to happen: the constant intensity of the class struggle, which, as Stalin said, will grow more and more as we move towards socialism, is the secret of Soviet totalitarianism, represented and justified in an artistic form by Nikolai Ostrovsky.

© Никольский С. А., 2020

Keyword: Russia, October, revolution, Bolshevism, totalitarianism, heroism, fanaticism, man, party, Komsomol, people.

Политический и историософский контекст книги

Книга Н. А. Островского «Как закалялась сталь» была той, которая наиболее активно подерживалась властью и была с восторгом встречена молодым и зрелым большевистским политическим сообществом в первой половине 30-х годов прошлого века. Однако если отбросить ангажированные руководством страны срежиссированные властью и самопроизвольные читательские отклики на нее, а также посвященные ей однотипные в своих восторгах литературоведческие и иные научные исследования, окажется, что по-настоящему серьезных ее осмыслений не так уж много и к ним должно проявить особое внимание. В этом контексте несколько раз подготавливавшаяся к печати и в силу разного рода цензурных ограничений откладывавшаяся монография Л. А. Аннинского «Обрученные с идеей. (О повести „Как закалялась сталь” Николая Островского)» на мой взгляд значителен среди первых.

Возможно, самый сильный вывод, который делает ее автор, таков: «„Как закалялась сталь” – ключевая книга советских лет нашей истории, в ней – разгадка того, что произошло с нами и Россией. ...Это исповедь, пронявшая миллионы» [Аннинский, web]. Означают ли эти слова, что исследователь и в самом деле нашел в книге столь важную для понимания России разгадку смены общественно-экономических укладов? Вряд ли. Более того: думаю, Лев Александрович добросовестно заблуждался. Повесть «Как закалялась сталь» – напротив, наименее подходит для цели формулирования и решения этой грандиозной задачи. Она – всего лишь об одном из многих явлений революционных процессов в России. В ней, например, нет свойственного творчеству философствующих писателей (Андрея Платонова, например) философско-художественного исследования революционной предыстории, анализа смыслообразующих революционных элементов, объемного изложения самого революционного конфликта, намечающихся перспектив его разрешения [Неретина, Никольский, Порус, 2019]. В ней также нет шолоховской психологической глубины персонажей, к тому же не расположенных только с одной, как у Островского, «красной», стороны, а по обе стороны границы, разделяющей сражающихся. Повесть «Как закалялась сталь»

одностороння по своему предмету, узко тенденциозна, поскольку с документальной точностью представляет позицию всего лишь одного из многих участников процесса преобразований. И уже по этой причине она не может быть отнесена к произведениям философско-художественным, которым свойственна отстраненная позиция автора, с которой только и можно попытаться охватить явление в целом.

Тем не менее, ее ценностно-смысловое содержание для понимания российской философии истории нельзя и преуменьшать. В ней, в образе главного героя, художественно-документально, хотя и узко-конкретно, представлено одно из центральных действующих лиц тогдашнего революционного взрыва. Это не теоретик, не политик и, конечно, не миллионная частица мало сознающего, полу-дикого народа, почти лишенного индивидуальности, но зараженного не знающей границ, все сжигающей ненавистью и всепоглощающим желанием *немедленно отнять и присвоить* – не важно, вещь или жизнь. (О том, что именно это настроение преобладало и, более того, поощрялось идеологами «революционного убийства» с первых дней прихода большевиков к власти, а позднее и с помощью специально созданных инструментов – от взятия заложников и концлагерей до бессудных массовых убийств по классовому признаку, написаны горы текстов. В максимально краткой и, одновременно, предельно обобщающей форме это настроение передал, например, Евгений Замятин в рассказе «Дракон» [Замятин, web]). Герой повести – утративший человеческий облик от многолетней нечеловеческой жизни в окопах и крови крестьянин – выходец из российской сельской глубинки.

Павел Корчагин Островского – смысленный рабочий парень, в меру хлебнувший «барства дикого», охваченный жаждой знания, нашедший в большевиках своих учителей и вождей, фанатично уверовавший в их правду и столь же фанатично по крупницам и неуклонно отдающий собственную жизнь за ее торжество и обещанное ей благо. Герой настолько «верующий большевик», что даже не видит гигантских перемен, происходящих в реальности. Корчагин – не только, а, возможно, и не столько реальный персонаж, сколько воспетый властью эталонный партиец – ни в чем не сомневающийся исполнитель, всецело поглощенный грандиозными прожектами фанатик-фантазер.

Нужно отметить, что не на начальном этапе революционного процесса (примерно, до разгона Учредительного собрания в январе 1918 года), а уже в ходе развернувшейся борьбе «красных» и «белых», в которую включается Павел, усомниться в неправоте «красных» и в самом деле было трудно и не всякому уму под силу. То, что продолжали отстаивать «белые», уже исторически себя изжило, во многом обнаружило свою бесчеловечность и потому вызывало справедливую ненависть и желание отказаться от этого прошлого навсегда. К тому же, в отличие от «белых», за «красными» были неиспробованные возможности и фантазии о новой, казавшейся лучшей, чем раньше, жизни, обещания и мечты о «светлом будущем», а чем далее разворачивалась гражданская война, тем более в ней накапливался требующий реализации потенциал справедливой мести за погибших родных и друзей.

Личная судьба героя – плохо в художественном отношении представленная, но вполне достоверная документальная история и, одновременно, умело сконструированный миф о неизбежном наступлении светлого завтрашнего дня. В нем – отражение реальности и, в то же время, надежда всех революционеров-большевиков: и тех, кто вчера боролся за новую жизнь и теперь фанатично не принимал «нэпмановского зигзага»; и тех, кто сегодня посчитал себя достойным не только нескончаемых партийных нагрузок, но и положенных новой номенклатуре заслуженных житейских благ.

Каков же путь героя повести как самого по себе, так и в интерпретации Л. А. Аннинского, кажушейся убедительной на первый взгляд?

Советское мышление и загадка «переворота революционного духа»

Конечно, Л. А. Аннинский ни в коем случае не наивный апологет ультра-революционности и по этой причине не видящий ее перерождения по мере становления в стране сталинского тоталитаризма. Говоря о революционной эпохе, в которой живет Корчагин, литературовед подчеркивает: «Славный романтический дух в ней, конечно, воплотился. Но вот теперь самый дух этот перевернут в нашей эмоциональной памяти, а истоки его по-прежнему не очень ясны историческому разуму. То есть масса факторов известна: нетерпимость, репрессии, гибель крестьянства, лагеря, иллюзии, ложь, – но духовный поворот, сделавший все это возможным, – все еще таится во тьме» [Аннинский, web]. Честная констатация и в

то же время признание, что ответа на главный вопрос у автора нет.

Как же стал возможен «переворот революционного духа»? Ведь, по словам исследователя, корчагинскими было «почти осуществлено царство справедливости» для «целого мира». Благодаря этим «людям – гвоздям» весь российский мир начавшейся справедливости, «все это строение стало реальностью», а то, что случилось потом – «репрессии, лагеря, ложь» и т. п., выходит, случилось неизвестно почему, в силу какого-то «духовного поворота» неизвестной природы.

Аннинский не ищет ответа на этот вопрос. Вместо этого, и в этом главное, на мой взгляд, его заблуждение, он предполагает наличие некой внешней причины, сделавшей возможным трагический «духовный поворот», который разрушил «почти осуществленное царство справедливости». Более того, свою ошибку исследователь усугубляет, так как исключает для себя предположение: а не берут ли свое начало истоки этого «духовного поворота» в самих вершителях революционного действия? И, возможно, истоки «духовного поворота» не только в Корчагине и его непосредственном окружении – рабочих «парнях-братишках», но и в тех миллионах участников революции, которые в круг внимания Островского не попали?

По-настоящему, Островский подробно рассматривает только одного-единственного человека, олицетворяющего собой эталон низового комсомольского актива. Но ведь, и это вопрос не для автора повести, но для исследователя Аннинского, эти «братишки-парнишки» – сегодня всего лишь младшие управленцы нарождающейся советско-партийной бюрократии, а завтра – полноценные господа новой жизни с новым «хозяином», новыми крепостными и новыми надсмотрщиками. Вспомним, что окончательная расправа Сталина с «ленинской гвардией» и управленцами-большевиками – участниками Октябрьского переворота и гражданской войны – к концу 1937 года была завершена. Но то, что сама эта жизнь от года к году все больше перестает быть партийной демократией и превращается в самодержавный тоталитарный строй, Островский, доживший до декабря 1936 года, либо не знает (что вряд ли возможно), либо не хочет знать. Фанатик всегда видит только свою идею, но не реальность.

Рабочие материалы и даже уже написанные части повести, например, о «Рабочей оппозиции» и об оппозиции Льва Троцкого, о которых Островский намеревался сообщить читателю, цензу-

рой были изъяты и впоследствии утрачены, в силу чего высказаться по этому вопросу более определенно у исследователей возможности нет. Лишь отмечу, что для власти возможные критические наблюдения автора о реальной жизни – коллективизации и все более разворачивающегося в стране террора, в том числе преследующего цель смены элит, были неприемлемы. Наоборот – нужен был кристально чистый, ни в чем не перечаший сталинизму герой, органически ему предшествующий и органично в него врастающий. И Островский – вольно или не вольно – этому правилу следовал.

На время допустим, что писатель и в самом деле не знает о разворачивающейся в стране крестьянской трагедии, не замечает нарождающегося тоталитаризма и, следовательно, не может предположить его общественную пагубность. Но что об этом думает живущий на полвека позже наш современник Л. А. Аннинский? В его исследовании ожидаемого и логически необходимого ответа на этот вопрос нет. Вместо этого находим: в это время «воцаряется новая эпоха в литературе – эпоха всеобщей государственной консолидации. И вот уже знаменитое постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 года разом пресекает деятельность всех групп и ассоциаций, начиная со свирепого, измучившего всех РАППа и кончая последними попутническими пристройками, и в это новое, объединенное, освобожденное от старых колючек, перепаханное, ожидающее поле падают семена простых всеобщих лозунгов: единый союз писателей, единый принцип: пишите правду, единый метод: социалистический реализм. 1932 – год великого перелома в литературе» [Аннинский, web]. И это все, что нужно нам знать о социально-политическом контексте, в котором творит Островский? Что это, если не уход от проблемы?

В последующих рассуждениях о литературном процессе Аннинский несколько оттеняет революционный демократизм редакции издательства «Молодая гвардия», которое печатает и «продвигает» Островского. Но в целом об этом времени в контексте ранее сформулированного принципиального вопроса о природе «духовного поворота» он не говорит ничего. Уходит Лев Александрович от тематики разворачивающейся в стране трагедии, лишь намеком давая знать, что он «в курсе». Ведь термин «год великого перелома», примененный им к литературным процессам, взят из оценки сталинской коллективизации, в которой 1929 год назван «годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства» [Сталин, web]. А кроме нее – и при жизни Островско-

го – были многие дела против «вредителей», был гигантский – не менее четырех миллионов смертей – голод, подавление частями Красной армии восстающих против колхозов крестьян, бегство из деревень в города, нищенская жизнь народа и роскошества новых большевиков, вчерашних друзей Корчагина, в том числе. Да и сам автор «Стали», отдыхая в разных санаториях Крыма, вполне мог оценить уровень жизни новых советских господ, среди которых было не принято говорить о страданиях деревни.

И в дальнейшем, к сожалению, этот уход от главного вопроса темы «духовного поворота» Аннинским только подтверждается. Он как бы ставит его в длинную очередь, в затылок за мелкими второстепенными вопросами, и в этой очереди тема неизбежно исчезает из вида. Каким образом он это делает? Например, рассуждением о второстепенном – как «складывается то почти нерасчленимое соединение популярности, идущей снизу, и культа, насаждаемого сверху, которое ставит впоследствии в тупик западных историков советской литературы, и они до сих пор решают (как сказано у Глеба Струве), „до какой степени широкая национальная популярность Островского была спонтанна, добровольна и стихийна, и какую часть тут надо отнести на счет обдуманного мифотворчества”» [Аннинский, web] Получается так, что вслед за героем Николая Островского отводит глаза от реальной истории и исследователь Л. А. Аннинский. И на вопрос, почему это делает Островский, я и постараюсь ответить.

История, которую лучше не знать

Термин «обдуманное мифотворчество» не вполне адекватен. То есть, какая-то часть этого феномена «духовного поворота» может быть объяснена и им. Но только малая часть. Исходить, думаю, следует из того, что повесть Островского правдива до мелочей. Это действительная жизнь одного из борцов за социализм, как он понимался именно Островским в двадцатые годы, и борца фанатичного. В этом качестве «эталона» он действительно был примером для одних и реальным образцом для материализации собственных и мифических воспоминаний других – тех, кто его взгляды на социализм разделял, но также и тех, кто лишь делал вид, что таковые взгляды разделяет, а на самом деле строил свое «маленькое личное счастье».

Современник Николая Островского – Андрей Платонов, по-настоящему глубокий пониматель природы советского тоталитарного социализма, в

одном эпизоде романа «Чевенгур» дает нам знать об иных, не похожих на Корчагина, но не менее, чем он реальных комсомольцах. «За стеной из дюймовых досок сразу заплакал человек, расходясь слезами все более громко. Пивная посуда дрожала на его столе, по которому он стучал оскорбленной головой; там жил одинокий комсомолец, работавший истопником в железнодорожном депо – безо всякого продвижения к высшим должностям. Комсомолец немного порыдал, затем затах и высморкался.

– Всякая сволочь на автомобилях катается, на толстых артистках женится, а я все так себе живу! – выговаривал комсомолец свое грустное озлобление. – Завтра же пойду в райком – пускай и меня в контору берут: я всю политграмоту знаю, я могу целным масштабом руководить! А они меня истопником сделали, да еще четвертый разряд положили... Человека, сволочи, не видят...» [Платонов, 2011b, с. 184].

Об этом же довольно широком послеоктябрьском настроении в рядах победителей говорят и позднейшие исследователи: «Личный аскетизм вождей, так импонирующий толпе, дружно рвущейся в адское пекло революции, потому что как бы уравнивал образ ее жизни с вождистским и, следовательно, уже теперь делал Равенство реальным, после захвата власти, после узурпирования ее Сталиным, аскетизм этот, тотально рекламируемый партпрессой, на самом деле в центре и на местах стал возней урок, бросившихся к кормушкам, делящих шкуру убитого медведя, вцепившихся в многоэтажный расстегай вроде того, который был смачно описан во втором томе „Мертвых душ“» [Алешковский, web].

Статистика первой половины 30-х годов сообщает, что членов и кандидатов в члены «Всесоюзной коммунистической партии большевиков» было примерно три с половиной миллиона, а членов «Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи» порядка десяти миллионов. И это не считая беспартийных работников советских органов и профсоюзных организаций. При этом, более семидесяти процентов из них имели всего лишь неоконченное среднее и начальное образование, а еще какая-то часть образования вообще не имела. То есть, читателей, если их считать только по политическому положению и неперменной, строго контролируемой руководством обязанности, у повести Островского было более чем достаточно. Сколько же из них на самом деле были действительно «обручены с идеей», сколько лишь отчасти сообразовывали с ней

свою жизнь, дабы не оказаться в еще худшем положении, а сколько воспринимали повесть как обязательную к восприятию идеологическую установку, спущенную властью для поддержания «революционного духа», определить невозможно. Однако вслед за Л. А. Аннинским предполагать, что «духовный поворот» – «репрессии, лагеря, ложь» – не был инициирован логикой развития этих большевистских в разной степени фанатично-идейных тринадцати и более миллионов, а затем лишь угадан и оформлен сталинским тоталитаризмом, на мой взгляд, близоруко.

Вывод этот также подкрепляется и содержанием самого произведения. Так, в идейном становлении Павки первоначальную заметную роль играет матрос Жухрай: «Теперь на всей земле пожар начался. Восстали рабы и старую жизнь должны пустить на дно. Но для этого нужна братва отважная, не маменькины сынки, а народ крепкой породы» [Островский, web]. «Пустить на дно» – уничтожить.

Это настроение сквозит во всем тексте, например, в описании собрания в городском театре, куда пришли не только рабочие-комсомольцы, но учащиеся гимназии и ученики начального училища, очевидно, 13–15 лет. Вот на сцену выскакивает молодой пулеметчик: «Моя фамилия – Жаркий Иван. Я не знаю ни отца, ни матери, беспризорный я был; нищим валялся под заборами. Голодал и нигде не имел приюта. Жизнь собачья была, не так, как у вас, сыночков маменькиных. А вот пришла власть советская, меня красноармейцы подобрали. Усыновили целым взводом, одели, обули, научили грамоте, а самое главное – понятие человеческое дали. Большевиком через них сделался и до смерти им буду. Я хорошо знаю, за что борьба идет: за нас, за бедняков, за рабочую власть. Вот вы ржете, как жеребцы, а того не знаете, что под городом двести товарищей легло, навсегда погребло... Голос Жаркого зазвенел, как натянутая струна...

– Жизнь, не задумываясь, отдали за наше счастье, за наше дело... По всей стране гибнут, по всем фронтам, а вы в это время здесь карусели крутили. Вы вот к ним обращаетесь, товарищи, – обернулся он вдруг к столу президиума, – вот к этим, – показал он пальцем на зал, – а разве они поймут? Нет! Сытый голодному не товарищ. Здесь один только нашелся, потому что он бедняк, сирота. Обойдемся и без вас, – яростно накинулся он на собрание, – просить не будем, на черта сдались нам такие! Таких только пулеметом прошить! – задыхаясь, крикнул он напоследок и,

сбежав со сцены, ни на кого не глядя, направился к выходу» [Островский, web].

«Простить пулеметом...» Долго ли перед этим разбирались – кого и за что? И это, как известно по результатам разных форм «красного террора», было настроением массовым.

А вот затронутый в повести инициированный Лениным польский поход Красной армии на Варшаву летом 1920 года с целью разжечь революционный пожар. В итоге двадцать пять тысяч красноармейцев погибло и более ста десяти тысяч оказались в плену. Расчет не менее фанатичного, чем Корчагин пролетарского вождя на то, что «польские рабочие городов и деревень», как их в своем воззвании именовала советская пропаганда, вместе с Красной армией повернут оружие против капиталистов, помещиков и ксендзов, не оправдался. Поляки солидарно выступили против русских, своих исторических врагов, в том числе, неоднократно в XIX веке участников расчленения их страны. Большевицкая кровавая авантюра по «экспорту революции» провалилась. А как на этот сюжет откликается автор повести?

Островский вскользь касается его следующим текстом: «Вчера в полдень, подхваченный общей яростью, встречал белополяков контратакой; вчера же впервые грудь с грудью столкнулся с безусым легионером. Летел тот на него, выкинув вперед винтовку, с длинным, как сабля, французским штыком, бежал заячьими прыжками, крича что-то несвязное. Часть секунды видел Сергей его глаза, расширенные яростью. Еще миг – и Сергей ударил концом штыка по штыку поляка. И блестящее французское лезвие было отброшено и сторону. Поляк упал.

Рука Сергея не дрогнула. Он знает, что он будет еще убивать, он, Сергей, умеющий так нежно любить, так крепко хранить дружбу. Он парень не злой, не жестокий, но он знает, что в звериной ненависти двинулись на республику родную эти посланные мировыми паразитами, обманутые и злобно натравленные солдаты. И он, Сергей, убивает для того, чтобы приблизить день, когда на земле убивать друг друга не будут» [Островский, web]. Как говорила девочка Настя – героиня платоновского «Котлована», «это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало» [Платонов, 2011а, с. 128]. Чего здесь больше: вдохновенной пропагандистской лжи или вознесенного на духовные высоты убийства?

Для текста фанатично настроенного Островского характерно полное отсутствие понимания реальности, смысла и обстоятельств происходя-

щих событий. Он легко бросает, например, слова: «эсэро-кулацкая муть». Ему нет дела до того, что эсеры, еще до того как были уничтожены большевиками, благодаря своей аграрной программе на свободных выборах в Учредительное собрание получили в два с лишним раза больше голосов, чем последователи Ленина с их двадцатью четырьмя процентами, что и стало причиной разгона этого представительного органа. Для него не прекращающие торговлю крестьяне, стремящиеся на рынки мимо заградотрядов и не желающие подчистую отдавать продукты в соответствии с объявленной политикой продразверстки, это враги-«мешочники»: «На пяти базарах копошились в гомоне людские скопища. Властвовали здесь два стремления: одно – содрать побольше, другое – дать поменьше. Тут орудовало во всю ширь своих сил и способностей разнокалиберное жулье. Как блохи, сновали сотни юрких людишек с глазами, в которых можно было прочесть все, кроме совети. Здесь, как в навозной куче, собиралась вся городская нечисть в едином стремлении облапошить серенького новичка. Редкие поезда выбрасывали из своей утробы кучи навьюченных мешками людей. Весь этот люд направлялся к базарам» [Островский, web].

Даже последующее признание самим Лениным ошибочности политики продразверстки – не только экономической необходимости, но и реализованной революционной мечты, о чем правверный коммунист Островский должен был знать, для автора повести не значит ничего. А ведь Ленин писал: в 1918–1920 годах «...мы сделали ту ошибку, что решили произвести *непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению*. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин, 1970, с. 157]. Более того: «...мы говорили тогда *гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали*» [Ленин, 1970, с. 156]. (курсив автора статьи)

Не видит Николай Алексеевич ничего, кроме своего собственного практического действия, которому беззаветно отдает жизнь, того же требуя от других. В своем служении идее в ее человеческом проявлении, когда, например, замерзающему городу нужны были дрова и больной, обмороженный Корчагин (Островский) работает, не щадя себя, он действительно героичен: «Недалеко от станции угрюмо взгорбился каменный остов здания. Все, что можно было вывернуть с мясом,

снять или взорвать, – все давно уже загребла рука мародера. Вместо окон и дверей – дыры; вместо печных дверок – черные пробоины. Сквозь дыры ободранной крыши видны ребра стропил.

Нетронутым остался лишь бетонный пол в четырех просторных комнатах. На него к ночи ложилось четверста человек в одежде, промокшей до последней нитки и облепленной грязью. Люди выжимали у дверей одежду, из нее текли грязные ручьи. Отборным матом крыли они распроклятый дождь и болото. Тесными рядами ложились на бетонный, слегка запорошенный соломой пол. Люди старались согреть друг друга. Одежда парилась, но не просыхала. А сквозь мешки на оконных рамах сочилась на пол вода. Дождь сыпал густой дробью по остаткам железа на крыше, а в щелястую дверь дул ветер.

Утром пили чай в ветхом бараке, где была кухня, и уходили к насыпи. В обед ели убийственную в своем однообразии постную чечевицу, полтора фунта черного, как антрацит, хлеба» [Островский, web].

Но сколько случаев, когда фанатизм ради революционной фантазии обрекает на гибель? Думаю, что подчинение себя идее и обращенное к другим требование столь же фанатичного подчинения делает Островского не только тем, кто спасает и утверждает новую жизнь, но и тем, кто уничтожает ее ростки, не соответствующие его эталонному представлению о должном. Чего в итоге остается больше – посеянного «эталонного нового» или обреченного на уничтожение «нового не эталонного», а, тем более, «не эталонного старого»? Не исключено, что вместо ограниченного числа людей «обрученных с идеей» по Островскому (Аннинскому), надо говорить о значительном числе людей, большевистской идеей (обручем) удушенных.

* * *

В статье о книге Н. Островского известный литературовед Е. Толстая-Сегал отмечала: «Литературная история книги Островского еще не полностью написана: с одной стороны, мешает чувствительность темы и цензурные соображения, с другой стороны – ощущение нелегитимности темы как литературной» [Толстая-Сегал, 1981, с. 375]. Возможно, такое время наступает.

Библиографический список

1. Алешковский Ю. Рука // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/aleshkovskiy_yuz/ruka.html (дата обращения: 04.07.2020)
2. Андропова Т. И. Слишком мало осталось жить... Николай Островский. Биография: монография. Москва: Палитра плюс, 2014. 335 с.
3. Аннинский Л. А. Обрученные с идеей. (О повести «Как закалялась сталь Николая Островского») // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/anninskiy_lev/obruchenie_s_i_deey_o_povesti_kak_zakalyalas_stal_nikolaya_ostrovsko.go.html (дата обращения: 01.07.2020)
4. Бузни Е. Н. Литературное досье Николая Островского. Москва: Литрес, 2017. 320 с.
5. Венгров Н. Николай Островский. Москва: Издательство АН СССР, 1956. 412 с.
6. Воспоминания о Николае Островском. Москва: Молодая гвардия, 1974. 447 с.
7. Замятин Е. Дракон // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/zamyatin_evgeniy/dragon.html (дата обращения: 02.07.2020)
8. Крочек Я. Невыдуманные герои // Молодой коммунист. 1979. № 9. С. 61–72.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 44. Москва: Издательство политической литературы, 1970. 725 с.
10. Матвиенко О. И. Роман «Как закалялась сталь» и массовое сознание 1930-х годов // Тыняновский сборник. Вып. 13. Москва: Водолей, 2009. С. 649–662.
11. Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. Москва: Институт философии РАН, 2019. 236 с.
12. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. Москва: Голос, 2015. 536 с.
13. Островская Р. П. Николай Островский. Москва: Молодая гвардия, 1988. 224 с.
14. Островский Н. А. Как закалялась сталь // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/ostrovskiy_nikolay/kak_zakalyalas_stal.html (дата обращения: 04.07.2020)
15. Островский Н. А. Как закалялась сталь: роман // Островский Н. А. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. Москва: Молодая гвардия, 2004. 429 с.
16. Платонов А. Котлован // Платонов А. П. Котлован. Чевенгур. Москва: Время, 2011а. 608 с.
17. Платонов А. Чевенгур // Платонов А. П. Котлован. Чевенгур. Москва: Время, 2011б. 608 с.
18. Сталин И. Год великого перелома: К XII годовщине Октября. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t12/t12_06.htm (дата обращения: 03.07.2020)
19. Толстая-Сегал Е. К литературному фону книги «Как закалялась сталь» // Cahiers du Monde Russe et soviétique. 1981. № 22(4). P. 375–399. URL: https://www.persee.fr/doc/cm_r_0008-0160_1981_num_22_4_1923 (дата обращения: 10.07.2020)
20. Трегуб С. А. Живой Корчагин: воспоминания и очерки. Москва: Советская Россия, 1980. 256 с.

21. Шахин Ю. Гражданская позиция Николая Островского (1920–1930-е гг.) // Альтернативы. 2004. № 4. С. 103–115.

Reference List

1. Aleshkovskij Ju. Ruka = Hand // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/aleshkovskiy_yuz/ruka.html (data obrashhenija: 04.07.2020)

2. Andronova T. I. Slishkom malo ostalos' zhit'... Nikolaj Ostrovskij. Biografija = There's too little left to live... Nikolai Ostrovsky. Biography : monografija. Moskva : Palitra pljus, 2014. 335 c.

3. Anninskij L. A. Obruchennye s ideej. (O povesti «Kak zakaljalas' stal' Nikolaja Ostrovskogo») = Engaged to the idea. (About the story «How the steel of Nikolai Ostrovsky was tempered») // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/anninskiy_lev/obruchenie_s_ideej_o_povesti_kak_zakalyalas_stal_nikolaya_ostrovskogo.html (data obrashhenija: 01.07.2020)

4. Buzni E. N. Literaturnoe dos'e Nikolaja Ostrovskogo = Literary dossier of Nikolai Ostrovsky. Moskva : Litres, 2017. 320 s.

5. Vengrov N. Nikolaj Ostrovskij = Nikolai Ostrovsky. Moskva : Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. 412 s.

6. Vospominanija o Nikolae Ostrovskom = Memories of Nikolai Ostrovsky. Moskva : Molodaja gvardija, 1974. 447 s.

7. Zamjatin E. Drakon = Dragon // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/zamyatin_evgeniy/drakon.html (data obrashhenija: 02.07.2020)

8. Krochek Ja. Nevydumannye geroi = Unthinkable heroes // Molodoj kommunist. 1979. № 9. S. 61–72.

9. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 44. = Complete collected works. 5th edition. V. 44. Moskva : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. 725 s.

10. Matvienko O. I. Roman «Kak zakaljalas' stal'» i massovoe soznanie 1930-h godov = The novel «How Steel was Tempered» and the mass consciousness of the

1930s // Tynjanovskij sbornik. Vyp. 13. Moskva : Vodolej, 2009. S. 649–662.

11. Neretina S. S., Nikol'skij S. A., Porus V. N. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andrei Platonov. Moskva : Institut filosofii RAN, 2019. 236 s.

12. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX–XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of Russian literature of the XIX–XX centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.

13. Ostrovskaja R. P. Nikolaj Ostrovskij = Nikolai Ostrovsky. Moskva : Molodaja gvardija, 1988. 224 s.

14. Ostrovskij N. A. Kak zakaljalas' stal' = How Steel Hardened // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/ostrovskiy_nikolay/kak_zakalyalas_stal.html (data obrashhenija: 04.07.2020)

15. Ostrovskij N. A. Kak zakaljalas' stal' = How Steel Hardened : roman // Ostrovskij N. A. Sobranie sochinenij v 3-h tomah. T. 1. Moskva : Molodaja gvardija, 2004. 429 c.

16. Platonov A. Kotlovan = Ditch // Platonov A. P. Kotlovan. Chevengur. Moskva : Vremja, 2011a. 608 s.

17. Platonov A. Chevengur = Chevengur // Platonov A. P. Kotlovan. Chevengur. Moskva : Vremja, 2011b. 608 s.

18. Stalin I. God velikogo pereloma: K XII godovshine Oktjabrja = Year of the Great Fracture: on the XII Anniversary of October. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t12/t12_06.htm (data obrashhenija: 03.07.2020)

19. Tolstaja-Segal E. K literaturnomu fonu knigi «Kak zakaljalas' stal'» = To the literary background of the book «How Steel Was Tempered» // Cahiers du Monde Russe et soviétique. 1981. № 22(4). P. 375–399. URL: https://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1981_num_22_4_1923 (data obrashhenija: 10.07.2020)

20. Tregub S. A. Zhivoj Korchagin: vospominanija i ocherki = Living Korchagin: memories and essays. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1980. 256 s.

21. Shahin Ju. Grazhdanskaja pozicija Nikolaja Ostrovskogo (1920–1930-e gg.) = The civil position of Nikolai Ostrovsky (1920–1930s) // Al'ternativy. 2004. № 4. S. 103–115.